

*Живая живулечка,
Сидит на живом стулечке,
Живое мяско теревит.*

Русская народная загадка

*Великая империя вскоре будет перенесена
В маленькое место, которое очень скоро увеличится,
Место весьма ничтожного, незначительного графства,
В середине которого Он водрузит свой скипетр.*

Предсказание Нострадамуса

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. ДЕТЕНЬШ

Главный фокус Ковра-Самолета заключался в том, что в какой-то момент он переворачивался кверху дном и на несколько секунд застывал в таком положении. И люди висели вниз головой, причем, что странно, — очень мало кто визжал. В основном все молчали, вцепившись в ремни. Так и висели — напряженные, краснолицые, с выпученными или зажмуренными глазами. На огороженный прямоугольник асфальта, черневший внизу, громко позвякивая, сыпалась мелочь из их карманов.

Этот момент нравился Мальчику больше всего. Это был момент — ну вечности, что ли.

Потом гигантские шестеренки Ковра-Самолета снова приходили в движение, и нелепо разукрашенная махина, скрежеща, неохотно возвращала людей в естественное положение...

II. ПУТЕШЕСТВИЕ

Я смотрела сверху и немного сбоку. Луна была яркой — достаточно яркой для того, чтобы я могла различать все предметы. Внимательно присмотревшись, я поняла, что лежало там, на тропинке. Маленькие белые ка-

мушки. Даже, скорее, не белые, а перламутровые. Они блестели в лунном свете. Было очень тихо.

Немного погодя послышался легкий хруст. Кто-то медленно шел по тропинке, приближаясь ко мне. Я не видела кто. Как загипнотизированная, я смотрела на камушки и пыталась убедить себя, что бояться нечего. Вряд ли это был кто-то большой или агрессивный: слишком тихо и неуверенно звучали шаги. Я смотрела на камушки и думала, что нет смысла бежать.

Особенно если я не могу убежать.

Потом шаги стихли.

В воздухе послышался какой-то странный шорох. Прямо у меня над головой. Я зажмурилась, стараясь не думать о звуках и ничего не чувствовать. Не чувствовать, как ночной ветер остужает и делает ледяными капельки пота, проступившие у меня между лопаток. Как они скапываются по спине маленькими градинами, оставляя за собой влажный холодный след...

Потом шорох прекратился — вернее, переместился вниз, на тропинку, и превратился в сдержанное клоко-тание.

Чуть помедлив, я открыла глаза. Камушков больше не было. На тропинке неуклюже копошились воробьи и голуби. Утробно курлыкая, они клевали что-то — кажется, хлебные крошки — и время от времени вяло дрались.

На меня птицы не обращали никакого внимания и, в общем-то, вели себя довольно обычно. Как всегда ведут себя голуби и воробьи, когда какая-нибудь сердобольная старушка бросает им хлеб. Только вот никакой старушки на этот раз я не видела. Кроме того, была ночь. А ночью голуби спят. И воробьи тоже.

Наблюдая за птицами, я пыталась понять, кто же накидал им столько хлеба. Если не старушка. Если кроме меня там никого не было. Если — какая поразительная, готовая вот-вот оформиться мысль — даже меня там, наверное, не...

Мой самый бессмысленный, самый тоскливый ночной кошмар снова прервался как раз в тот момент, когда я уже почти поняла что-то очень важное и окончательное.

Я проснулась в тесном гостиничном номере тесной чужой страны, быстро и неприятно — как будто меня смачно выплюнули из сна и я ударилась о кровать. Еще какое-то время я лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Надеялась, что, если ничем себя не обнаружу, возможно, мне удастся как-то обмануть недружелюбную предрассветную действительность и снова вернуться туда, на тропинку.

Минут через двадцать я окончательно поняла, что больше уже не засну, и слегка пошевелилась, отлепляя плечи и спину от влажной гостиничной простыни. В парнике синтетического постельного белья было жарко и холодно одновременно. Я открыла глаза. Потянулась за мобильным и посмотрела на время: полшестого утра. Сумасшествие. Впрочем, в Москве — уже полвосьмого. Эта мысль меня почему-то утешила.

Я встала, нашла пульт и включила маленький телевизор, пристегнутый ремнями к сложному цилиндрическому приспособлению под потолком. На экране за плотной вуалью помех едва вырисовывались женские и мужские лица. ...*Jamais... Personne... Rien...* Кто-то объяснял кому-то что-то по-французски, временами срываясь на крик. Я не понимала французский, но тишина в этом зашторенном душном номере размером с сортир была бы еще хуже. Дополнительные голоса создавали иллюзию «расширения пространства». Да ладно, чего уж... Я просто не могла выносить тишину. Не только там — дома тоже.

Я быстро надела майку и джинсы. Стянула с кровати белье и, скатав его в большой бело-розовый ком, закинула на кресло. Потом взялась за край кровати, приподняла ее и поставила вертикально, прислонив к стене.

Когда я въехала в этот номер, то подумала, что в таких же, наверное, французские шлюхи принимают кли-

ентов. Но когда портье научил меня трюку с кроватью, поняла, что от этого номера шлюха бы отказалась.

Моя комната была устроена таким образом, что ходить по ней, а главное, открывать двери — и входную, и ведущую в ванную — можно было только в случае, если кровать стояла у стены. В своей более традиционной позиции — на четырех ножках, в центре комнаты — она блокировала все входы и выходы.

Девушку Олю Маркелову, оформлявшую мне в Москве эту командировку, я очень просила забронировать нормальный номер. Нормальный. Впрочем, я не догадалась сказать ей, что ни в коем случае не стоит бронировать номер в гостинице с названием «*Ideal*». И с двумя звездочками.

— Брэкфаст? — без особой надежды поинтересовалась я у всклокоченного араба, клевавшего носом на ресепшене.

— Уи, брэкфаст ноу, — дружелюбно улыбнулся араб крупными белыми зубами, подмигнул мне и снова закрыл глаза. — Пардон, мадаммэ, — бормотнул уже, кажется, во сне.

Я громко поставила перед ним большую деревянную грушу-брелок с номером одиннадцать, толкнула тяжелую прозрачную дверь и вышла на улицу. Тоскливо брякнул подвешенный к двери колокольчик.

У меня никогда не было привычки гулять в шесть утра, но сидеть в номере, в котором не помещается кровать, тоже как-то не хотелось. Клаустрофобия.

Быстрым шагом я прошла пару кварталов по улице Эмиля Золя и наугад свернула направо.

Потом еще раз направо. Петля среди совершенно одинаковых, кукольных парижских двориков, я пыталась припомнить, была ли у меня когда-нибудь в жизни еще

более ужасная командировка, чем эта. Международная парижская ярмарка детской литературы.

Конечно, была... Например, несколько лет назад я ездила в Кострому фотографировать школьного учителя, признанного виновным по статье 135 Уголовного кодекса «Раствление несовершеннолетних». Унылые неровности казенно-зеленых стен, высокий худой человек с тупым изумлением на лице, раздраженная судья с красными волосами и очень плохой кожей, полуседой полусонный адвокат («Прошу принять к сведению, что обвиняемый является победителем областного конкурса «Учитель года»»)... В гостинице — стада тараканов и неотопливаемые обледеневшие «удобства» на этаже. Все это было тоскливо, нелепо, отвратительно. Казалось бы, как можно сравнивать? Здесь ведь — Париж... детские книжки с красивыми картинками... кофе, бутерброды, пресс-конференции и круглые столы... А настроение — хуже некуда.

Некуда.

* * *

Бессмысленно шатаюсь по улицам, я старалась думать про пятнадцатиградусный мороз, ожидавший меня дома. Старалась вспомнить, как это — мороз... Я приехала из Москвы в зимних ботинках, и уже второй день мучила совершенно неуместным здесь бараньим мехом свои взорванные ноги. В Париже было очень тепло. Март — а уже настоящее лето.

Двухчасовая прогулка не доставила мне удовольствия.

Он совсем не нравился мне, этот громкий бежевый город. Нависающие над головой, всех оттенков бежевого дома — словно ряды гигантских пыльных тортов с вычурными барочными узорами из подгнившего заварного крема.

Смуглые ленивые люди, вгрызающиеся хищно в нежную плоть круассанов, наглými смеющимися глазами разглядывающие прохожих, обжигающие свои быстрые, картаво воркующие языки неароматной черной бурдой.

Люди, которые с раннего утра облепляют маленькие серые столики уличных кафе, точно нарочно выставленные в самых замусоренных и самых узких местах тротуара — так близко от проезжей части, что до движущихся мимо машин легко можно дотянуться рукой.

Кофе, сдоба, пыль и бензин — их бесконечный маленький завтрак. Сумасшедший эйт-о'клок.

Фотографировать не хотелось.

Ближе к одиннадцати я спустилась в метро. В вагоне было очень людно, но я отыскала-таки свободное место: стоять не было сил. От недосыпа кружилась голова, кисло-горький кофейный привкус во рту вызывал тошноту. Напротив меня сидела влюбленная пара. Они держались за руки и, разомлев, неторопливо обсуждали что-то. Он — молодой улыбчивый бородач русой масти, она — неопределенного возраста пухлая негритянка с мутными собачьими глазами и прыщавым лбом. Время от времени он наклонялся и целовал ее в этот лоб.

Они тоже вызывали тошноту.

Они вышли на станции *Port de Versailles*, там же, где и я.

Почти шатаюсь, я выбралась из-под земли в подсвеченную солнцем уличную пыль, в дребезжащий строительный скрежет. Неожиданно сильно заболело горло.

Внутри, в павильоне, было еще хуже. Жарко и чересчур людно. Там пахло ковровым покрытием, влажной газетной бумагой и все тем же вездесущим химически-кофейным. Перекрикивая ярмарочный гул и марионеточно жестикулируя, посетители прохаживались между

книжными стеллажами, волоча за собой визжащих, орущих, жующих, сосущих детей.

Я вытащила фотоаппарат и сфотографировала пару-тройку картонных Гарри Поттеров, украшавших издательские стенды. Потом сфотографировала двух мальчиков-близнецов, идентичными веснушчатými носами уткнувшихся в комиксы. Потом увидела давешнюю парочку из метро и сфотографировала их. Они помахали мне руками. А потом стала медленно пробираться к российским стендам, то и дело натываясь на идущих навстречу французов. Каждый раз, когда мы сталкивались, они издавали громкий отрывистый звук — как детские резиновые игрушки с дырочкой, если на них надавить. Упс. Упс. А затем поднимали на меня доверчивые глаза и тоненьким певучим голоском чирикали «пар-дон». И выжидательно смотрели на меня. Мне полагалось тоже чирикнуть «пар-дон». Или хотя бы «упс». Но я молчала. У меня болело горло и поднималась температура.

Антон стоял, опасно облокотившись на фанерную «стену» одного из российских стендов и, свесив поверх брюк нечеловеческих размеров живот, прихлебывал капучино из пластикового стаканчика. Листал какую-то большую книгу с картинками. Я с трудом доплелась до него.

— Бонжур, — улыбнулся он, лениво изучая меня маленькими опухшими глазками. — А ты очень неважно выглядишь, мон амур.

— Что-то конкретное нужно сегодня фотографировать? — спросила я и не узнала свой голос. Он был совсем охрипшим.

Нас с Антоном отправили в командировку вместе. От него требовался культурный репортаж. От меня — к этому репортажу фотоиллюстрации. То есть я была как бы при нем. А он мне не нравился. Совсем.

— Ты, кажется, простудилась, Мари. — Голос у него был громкий и надтреснуто-высокий. — В этой теплой благодатной стране. Позволь, я угощу тебя горячим кофе.

— Нет, спасибо, — я вяло отмахнулась. — Что-то конкретное нужно фотографировать?

— А нафиг? — каркнул Антон удивленно.

— Ну, для статьи...

У меня вдруг закружилась голова. Я положила фотоаппарат в сумку и присела на корточки, чтобы не упасть.

— Статьи? Какой статьи?

— Антон... — У меня не было сил даже на то, чтобы говорить раздраженно. — Я действительно не очень хорошо себя чувствую. Так что давай без этих твоих шуток-прибауток. Просто скажи, нужно ли тебе, чтобы я сфотографировала что-то... кого-то... ну, чью-то морду... или пресс-конференцию... для твоей статьи. Для статьи, которую ты напишешь про эту чертову ярмарку детской литературы.

Слишком много слов. К концу этой тирады голос у меня совсем сел.

— Маш... Маш. Ты что? Я ведь не буду писать никакую статью.

Я посмотрела на него, снизу вверх. Поднимать глаза было больно. Шевелиться было очень неприятно.

Кажется, он говорил серьезно.

— Почему? — спросила я шепотом.

— Но... мы же вчера уже говорили про это, нет? Ты разве не помнишь?

Я попыталась вспомнить. Что-то действительно... смутно шевельнулось у меня в голове.

Мы сидели в номере... в моем?... в его?... и пили... И он действительно говорил, что... Я была пьяна. Я не помню.

— Я не помню.

Антон посмотрел на меня немного испуганно. И зачем-то протянул мне свой недопитый капучино.

— Спасибо, не хочу.

Он выкинул стаканчик в урну и положил мне на плечо свою большую толстую руку с розовыми пальцами-сосисками. Я почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Эта рука... Я вдруг поняла, что эта рука... что я откуда-то знаю, какая она на ощупь... шершавая... и как она глупо трясется... И...

— Ты *совсем* ничего не помнишь? Мне казалось, ты была все же не настолько пьяна, чтобы...

— Подожди, я сейчас приду. Ты, пожалуйста, подожди.

Я поднялась на ноги и насколько могла быстро побежала через весь павильон к лестнице, и на второй этаж, и в тошнотворно-цветочное благоухание уборной, и в маленькую тесную кабинку, в которой меня наконец вывернуло наизнанку, наизнанку, наизнанку этим их чертовым кофе и круассанами, и просто ничем — до рези в пустом желудке, до слез.

Потом я вернулась к нему.

— Напомни мне только, почему ты не будешь писать статью. Только это.

Он смотрел на меня своими маленькими мышинными глазами и молчал.

— Антон? Как ты объяснишь в редакции, что съездил в командировку и ничего не написал?

— Понимаешь... Маша. Ну, я просто... я просто не собираюсь возвращаться туда.

— Куда, в редакцию?

— В редакцию. И вообще в Москву. В Россию.

Антон опустил глаза, поскреб пальцем неприятное желтое пятно на брюках.

— И тебе тоже, Маш, не советую. Туда возвращаться. Там сейчас начинается плохое время... Ты же знаешь. В такой ситуации получить здесь политическое убежище — не проблема. И у меня, кстати, есть здесь неплохой проект. Сетевой. Ладно... Пойду.

Он неопределенно махнул распухшей пятерней, сунул мне в руки свою большую книжку с картинками, повернулся спиной и стал решительно протискиваться к выходу, наступая на ноги веселым резиновым французам.

Упс — пардон. Упс — пардон.

Я снова присела на корточки и раскрыла книгу.

... Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек с женой и двумя детьми: мальчика звали Гензель, а девочку Гретель. Жил дровосек впроголодь; и наступила однажды в той земле такая дороговизна, что ему не на что было купить даже кусок хлеба. Вот как-то вечером лежит он в кровати, не спит, а все с боку на бок переворачивается...

III. ПУТЕШЕСТВИЕ

До вечера я провалялась в номере, накрывшись тремя одеялами, чтобы не знобило.

Мне снились какие-то хищные синие ромбы и квадратики, которые я должна была расположить в строгом порядке, от самых крупных к самым мелким, но мне это никак не удавалось: они все время меняли свой размер. Далекие фигурки из детства, они приползли ко мне с родительских обоев двадцатилетней давности, чтобы теперь мучить меня, увеличиваться, уменьшаться, увеличиваться, уменьшаться...

Потом снился Антон. Мы были с ним вместе на какой-то сомнительной, очень зыбкой и расползающейся по швам (по стыкам стен?) кухне. Он стоял у плиты, над кастрюлей с кипящей водой, и говорил: «Сейчас я приготовлю обед». И опускал в кипящую воду свои красные, распухшие пальцы. «Уже почти готово... Тебе понравится... Пальчики оближешь... Оближешь...»

А потом я снова была там, на тропинке. Я шла по ней в свете луны и считала белые камушки, но все время сбивалась со счета. Тогда я возвращалась в то место, откуда начала, и снова принималась считать. Но их было много, слишком много... Кажется, вся тропинка была выложена ими.

Потом позади меня раздались шаги, и я поняла, что я там не одна. Я испугалась. Усилием воли я поднялась над тропинкой и теперь смотрела сверху и немного сбоку.

Кто-то медленно шел по тропинке, приближаясь ко мне. Я не видела кто. Как загипнотизированная, я смотрела на камушки и пыталась убедить себя, что бояться нечего. Вряд ли это был кто-то большой или агрессивный: слишком тихо и неуверенно звучали шаги. Я смотрела на камушки и думала, что нет смысла бежать...

Я проснулась около восьми вечера. Подушка и простыня подо мной были совершенно мокрыми от пота.

Однако же после сна мне стало лучше. Заметно лучше. И температура, кажется, спала.

Делать было, в общем-то, нечего. То есть — нет. Не так. У меня было дело. Мне нужно было серьезно подумать об одной очень важной вещи, но страшно было начинать. Чтобы оттянуть время, я стала читать.

... и наступила однажды в той земле такая дороговизна, что ему не на что было купить даже кусок хлеба. Вот как-то вечером лежит он в кровати, не спит, а все с боку на бок переворачивается, вздыхает и наконец говорит жене:

— Что теперь будет с нами? Как нам детей прокормить, нам и самим-то есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — заведем завтра утром детей пораньше в лес, в самую чашу...

Что-то мне в этой сказке не нравилось. Очень не нравилось. Настолько, что я не стала читать дальше.

Пришло время подумать.